

ходимо переориентировать инженерное образование, изменить стиль мышления инженера и проектировщика. Только на базе всеобъемлющей гуманитарной культуры возможно решение грандиозных социальных задач.

Техника служит не только облегчению и освобождению, но создает также новые тяготы и зависимости. Она считается гарантом человеческого развития и социального прогресса, однако вызывает также бесчеловечные и разрушительные последствия, предстает то как проклятие, то как благодать, то как наказание, то как спасение. И тем не менее техника — это только средство. Сама по себе она ни хороша, ни дурна. Все зависит от того, что из нее сделает человек. Следовательно, проблема техники — это одновременно проблема социальной и экологической ответственности, а также самоответственности человека, создающего ее.

¹ См.: Хайдеггер М. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 50.

² См.: Шадевальд В. // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 99.

³ См.: Ясперс К. // Новая технократическая волна на Западе. С. 120.

⁴ Хуниг А. // Философия техники в ФРГ. С. 400.

⁵ Бердяев Н. А. // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 148.

⁶ Рапп Ф. // Философия техники в ФРГ. С. 30.

⁷ Ясперс К. Указ. раб. С. 121.

Т. Г. РУМЯНЦЕВА, Ю. В. БАРАНЧИК

«ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА КАК ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ

С конца XIX в. и по настоящее время внутри философии наблюдается сближение и синтез различных направлений и течений; происходит становление неклассических и постклассических стратегий философствования: философия жизни, аналитическая философия, структурализм, деконструктивизм и т. д. Происходит своеобразный процесс слияния философии и литературы, который имеет свои жизненные истоки в экзистенциализме, а в более поздний период проявляет себя в творчестве таких всемирно известных писателей, как Х. Кортасар и Х. Л. Борхес. Все это сказывается на том, что трансформируются стиль и форма профессионального изложения, способы подхода к проблемам, которые прежде, в классической парадигме, представлялись неизменными. Поэтому одной из настоятельных потребностей (и двадцатого столетия в особенности) является определение того, что позволяет тому или иному тексту быть причисленным к разряду собственно философских, а не искусствоведческих или научных работ. Особенно важным становится выяснение специфики работы механизмов мышления в философии, которые проявляют себя в совершенно особом функционировании языка.

В данной статье анализируются две проблемы. Первая из них — проблема понимания предмета и сущности философии в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна — выступает в роли своеобразного пролога к главной теме всей статьи. В целом же речь пойдет о поиске тех возможных оснований, которые позволили бы нам отнести текст «Логико-философского трактата» к текстам собственно философским.

Проблемы философии анализируются Л. Витгенштейном в нескольких фрагментах «Логико-философского трактата». Смысловым ядром такого рода высказываний можно считать афоризм 4.112, в котором наиболее полно представлена позиция самого автора «Трактата». Основная мысль Л. Витгенштейна заключается в том, что философия — не теория, а деятельность, заключающаяся в логическом прояснении мыслей. Такое понимание исходной интенции мыслителя было достаточно адекватно воспроизведено в советской историко-философской литературе. Так, А. Д. Грязнов по этому поводу пишет следующее: «Философия, по Витгенштейну, есть особого рода деятельность по прояснению предложений нашего языка и в этом плане она отлична от деятельности ученого»¹. По мнению другого исследователя — Е. А. Баллаевой, «центральным вопросом в философии Л. Витгенштейна является вопрос: как возможен язык и, следовательно, мышление? Витгенштейн предполагал разрешить его посредством логического анализа языка»².

Результатом такой деятельности становится не некоторое количество философских предложений, а их прояснение. Но само по себе это прояснение не может

идти до бесконечности, в некотором пункте оно заканчивается. Следовательно, философия — мистическая по своей сути деятельность. Этот вывод хорошо согласуется с известным определением мистического, данным в «Логико-философском трактате»: «мистическое, по Витгенштейну, есть созерцание мира в качестве ограниченного целого»³. Хотя, надо отметить, данное представление о невозможности бесконечного прояснения предложений не совпадает с более поздними взглядами Л. Витгенштейна на язык, согласно которым одни предложения функционируют как временно застывшие каналы для других.

На наш взгляд, интерес для исследования представляет сравнение приведенного выше понимания философии Витгенштейном и нижеследующего высказывания Б. Рассела: «Успехи в математике второй половины XIX в. были достигнуты просто терпеливым детальным рассуждением. Я решил, что такой метод надо применить и к философским проблемам»⁴. Из этого тезиса видно, что еще Расселом было заявлено аналитическое понимание философии. Исходными теоретическими посылками такого понимания философии, как для Рассела, так и для Витгенштейна, послужили, по всей видимости, традиции английского эмпиризма и номинализма, знаменитые логико-семантические открытия Готлиба Фреге и, наконец, концепция самого Рассела и Уайтхеда, которые после десяти лет совместной работы выпустили в 1910—1913 гг. «Принципы математики». Эта работа на долгие двадцать лет обусловила основные направления исследований в области математики и математической логики. Именно аналитическое понимание философии, имеющее в качестве одной из своих мировоззренческих предпосылок тезис о тождестве философии и логики и об основополагающем значении логики для философии, лежит в фундаменте тезиса о философии как деятельности, заключающейся в логическом прояснении мыслей.

Большинство советских исследователей в недалеком прошлом трактовали витгенштейновское представление о философии довольно критически, что во многом диктовалось идеологическими установками того времени. Некоторым поводом к этому мог послужить афоризм 4.003, который довольно часто цитировался в исследованиях тех лет: «Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность». Несмотря на такую постановку вопроса, история философии убеждает в обратном: она насыщена всевозможными ответами на те вопросы, которые самим Витгенштейном относятся к «проблемам жизни».

К сожалению, в работах, посвященных Витгенштейну, нигде не упоминается афоризм 4.115, в котором представлена витгенштейновская теория «показывания» в связи с философией: «Она означает то, что не может быть сказано, ясно показывая то, что может быть сказано». Именно в этом афоризме показан смысл отмеченного Витгенштейном в афоризме 4.111 различия между философией и естественными науками. Суть естественных наук заключается в том, что предмет их деятельности им внеположен, находится в пространственно-временном континууме мира, и если какая-либо дисциплина, претендующая на статус научности, не будет полагать некую область реальности как свой объект, то она теряет всякую надежду на получение такого статуса. В то время как философия, чтобы быть философией, нуждается только в одном — сохранении многозначности как сферы чистых смысловых возможностей языка, и никакой предмет философии, попавший в поле ее зрения, не может сделать ее философией только за счет своей предметности. Таким образом, в понимании Л. Витгенштейном проблемы философии в период написания им «Логико-философского трактата» можно выделить два основополагающих момента. Философия есть: 1) мистическая по своей сути деятельность; 2) заключающаяся в логическом анализе языка.

Очевидно, что одного только упоминания в тексте понятия философии, а также представления ее как «деятельности», «терапии языковых заблуждений» или «экзистенции», недостаточно еще, чтобы судить о тексте как философском. Необходимо наличие в нем таких механизмов, которые бы совместно с автором, и независимо от него, продуцировали общее смысловое поле, были бы по отношению к автору априорными.

Данная работа основывается на признании той методологической установки, что философский текст представляет собой нечто отличное от того, что хотел или сумел сказать автор, и что существует независимая от его воли логика текста — логика авторского письма, которая, как правило, выговаривает гораздо более того, что задумывалось осознанно. Из этого положения, правда, отнюдь не следует вывод, что чем больше проявляет себя логика текста, тем меньше видна логика

автора или наоборот. Скорее, речь может идти о том, что чем ярче выражена логика автора изложением материала, тем больше простора она оставляет для несказанного — того, что «мистическим» образом всегда присутствует в тексте и что составляет одну из множества граней невыразимого.

«Логико-философский трактат» является достаточно продуктивным текстом, так как содержит в себе бесчисленные возможности для интерпретации. Объем данной работы не позволяет подробно анализировать приемы построения предложений, фраз и афоризмов, используемых Л. Витгенштейном, равно как структуру и содержание «Трактата», однако можно сказать о той общей форме, которая скрепляет и организует весь текст «Логико-философского трактата», — это рассуждение. И в науке, и в литературе, и в философии используется рассуждение. Но философское рассуждение есть другой вид рассуждений, потому что осуществляется оно с помощью качественно иных языковых средств — того, что принято называть терминологическим аппаратом. Нет необходимости говорить, что некоторые понятия, которые используются в философии, употребляются и в других областях человеческого знания, где они тоже могут иметь статус понятий. Но достаточно обратиться к их использованию, чтобы увидеть, что главная особенность таких слов — их многозначность. Именно принцип «непротивления» смыслов одного слова всем другим фундирует такое сложное явление культуры, как интерпретация, т. е. способность толковать одни предложения языка на основе понимания других. Этот вывод показывает нам, что представители двух ведущих направлений западной философии — герменевтики и аналитической философии — не так далеки друг от друга в понимании сущности философии, как это может показаться на первый взгляд. Всевозможного рода интерпретациям можно и даже необходимо подвергнуть и это рассуждение, чтобы более точно сформулировать и сформировать те идеи, которые в нем присутствуют изначально, но которые авторы просто не смогли выразить адекватно, занимая положение между тем, что уже было сказано, и тем, что еще предстоит сказать. Очень трудно говорить о сути философствования, так как в этом случае сама эта суть исчезает: ее можно показывать только в конкретной языковой работе.

Есть и вторая причина, на основании которой мы имеем право отнести текст «Логико-философского трактата» к философским текстам. Для этого необходимо вспомнить о проводимом Л. Витгенштейном различии между предложениями естественнонаучного знания и философскими. Первые несут непосредственное знание о мире, точное и объективное, в то время как вторые выступают своего рода метаязыком, переводящим менее совершенные предложения какого-либо языка в более совершенные. Практически все предложения, которые содержатся в «Логико-философском трактате», относятся к предложениям второго типа. Таким образом, Л. Витгенштейн не только декларировал в своем тексте некоторые принципы философской работы, но активно использовал их при написании «Трактата». В том, что предложения «Трактата» выполняют роль своего рода метаязыка, убеждена и М. С. Козлова, считающая, что перевод менее совершенных предложений в более совершенные «не выводит нас к структуре действительного мира, а лишь констатирует возможный предметный мир, изоморфный логическому»⁵.

Несомненной заслугой Л. Витгенштейна и главным достоинством «Логико-философского трактата» является создание нового стиля мышления, нового уровня языковой компетенции, складывающихся из особого употребления строго определенных слов в данной точке пространства текста в строго заданный момент времени. Философия, по Витгенштейну, должна освободить человека от бессмысленных метафизических вопросов. Но каким образом может сделать это философия, оставаясь философией? Только переводя несовершенные предложения своего языка в более совершенные, отчетливые и ясные. Таким образом, Л. Витгенштейн создал новую форму рассуждения, добавив к древу мировой философии еще одну ветвь качественно новой, необычайно интересной философской техники — аналитической.

¹ Грязнов А. Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна. М., 1985. С. 97—98.

² Баллаева Е. А. // Человек. Сознание. Мировоззрение. М., 1979. С. 90.

³ Рорти Р. // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 121.

⁴ Козлова М. С. Философия и язык. М., 1972. С. 77.

⁵ Там же. С. 132.